

Аликин Виктор Анатольевич

ИГРОВОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

По убеждению Ф. Ницше, исходной причиной всего происходящего в материальном мире является не сверхчувственная идея, а заключённое в самом сущем стремление к власти, к её бесконечному воспроизводству и возрастанию. Вопрос, поднимаемый в статье, заключается в том, может ли воля к власти быть полноценным объяснением имманентного мира, ведь она сама во многом имеет признаки трансцендентной идеи. Возможно, что более подходящим образом такого мира является игра? Эта мысль прослеживается в философии Ф. Ницше, но не становится в ней доминантой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 20-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

23. Мурзакевич Н. Н. Эллинские памятники, найденные в Новороссийском крае: в Ольвии и на о. Левки или Фидониси // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 405-415.
24. Непомнящий А. А. Крымоведение в научном наследии Н. Н. Мурзакевича: библиографический аспект // Культура народов Причерноморья. 1999. № 9. С. 82-87.
25. Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX века // Культура народов Причерноморья. 1999. № 7. С. 101-118.
26. Петрова Э. Б. Великая греческая колонизация. Боспорское царство // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь: ЛИРА, 2004. С. 79-101.
27. Саверкина И. И. Мраморный саркофаг из Мирмекия // Труды Государственного Эрмитажа. 1962. № 7. С. 247-266.
28. Свиньин П. П. Керчь, древняя Пантикапея (из живописного путешествия по России издателя, Отечественных записок) // Отечественные записки. 1828. Ч. 34. № 96. Апрель. С. 3-31.
29. Свиньин П. П. Обзорение путешествия издателя, Отечественных записок по России в 1825 г. относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч. 26. Кн. 1. № 72. С. 446-452.
30. Тарбаев В. С. По керченским следам А. С. Пушкина. Керчь, 2000. 119 с.
31. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
32. Тункина И. В. Ф. Дюбуа де Монпере – исследователь позднескифских городищ Крыма // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург): материалы / редкол.: М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 737-744.
33. Федорченко В. И. Дворянские роды, прославившие Отечество: энциклопедия дворянских родов. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 463 с.
34. Федосеев Н. Ф. Керчь в описании Павла Беккера // Керчинский заповедник: науч. сб. Керчь, 2006. Вып. 1. С. 477-499.
35. Федосеев Н. Ф. Пантикапей и , охрана памятников в Керчи // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9. С. 155-158.
36. Хоецкий Е. Спогади з подорожі по Криму. Симферополь: ВАТ, Симферопольська міська друкарня, 2008. 384 с.
37. Храпунов Н. И. Рецензия на книгу: Едмунд Хоецкий. Спогади з подорожі по Криму / пер. з польської О. О. Тищенко-Монастирська, ком. В. І. Баранов, О. О. Тищенко-Монастирська. Симферополь: ВАТ, Симферопольська міська друкарня, 2008. 384 с. // АВ IMPERIO. 2008. № 3. С. 514-528.
38. Besse Jean-Charles de. Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgie, en Arménie, en Asie-Mineure et à Constantinople, en 1829 et 1830. Ouvrage orné de cinq planches lithographiques. Paris: Delaunay, Libraire, au Palais-Royal, 1838. 467 p.

HISTORICAL AND ARCHEOLOGICAL STUDIES OF CRIMEA BY TRAVELLERS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF KERCH)

Avseneva Svetlana Nikolaevna
Taurida National V. I. Vernadsky University
lindabright@mail.ru

The memorials of travellers are one of the most important sources on the history of Russia on the whole and Crimea in particular. Relying on the analysis of the works of the travellers of the first half of the XIX century the author managed to reconstruct such aspects of the history of the city of Kerch as: the problem of preserving the local monuments of antiquity; the development of museum activity and the evolution of archeological studies in the neighbourhood. The findings of the research testify for the necessity to use this category of sources while reconstructing the historical past of Crimea and, in particular, Kerch.

Key words and phrases: memorials of travellers; Crimea; Kerch; monuments of antiquity; history; archeology.

УДК 128

Философские науки

По убеждению Ф. Ницше, исходной причиной всего происходящего в материальном мире является не сверхчувственная идея, а заключённое в самом существе стремление к власти, к её бесконечному воспроизводству и возрастанию. Вопрос, поднимаемый в статье, заключается в том, может ли воля к власти быть полноценным объяснением имманентного мира, ведь она сама во многом имеет признаки трансцендентной идеи. Возможно, что более подходящим образом такого мира является игра? Эта мысль прослеживается в философии Ф. Ницше, но не становится в ней доминантой.

Ключевые слова и фразы: Ницше; идеализм; нигилизм; смысл жизни; воля к власти; Бог; сверхчеловек; игра; искусство.

Аликин Виктор Анатольевич, к. филос. н., доцент
Донской государственной аграрной университет
ludosopher@yandex.ru

ИГРОВОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Философия жизни и прежде всего её наиболее яркий представитель – Ф. Ницше – подвергли критике всю предшествующую идеалистическую метафизику западной философии, которая основывается на признании

мира самотождественных сверхчувственных идей, определяющих сущее. Эта критическая позиция Ф. Ницше, названная , нигилизмом, привела его к альтернативной метафизике власти, которая отказывается от какого-либо потустороннего нематериального руководства для сущего, для жизни. Исходной причиной всего происходящего в материальном мире тогда становится заключённое в нём самом стремление к власти, к её бесконечному воспроизводству и возрастанию.

Среди исследователей философии Ф. Ницше нет согласия относительно того, является ли его позиция новой метафизикой или отказом от неё. Вторая позиция исходит из того, что метафизикой может быть лишь учение о сущности или, другими словами, сверхчувственных идеях, Ф. Ницше же отказывается от них. , Важно отметить, что власть определяется Ф. Ницше не как сущность или субстанция, а как стратегия..., – говорит Б. Марков в статье , Пути Хайдеггера к Ницше, – ...она спонтанна и сингулярна, изменчива и непостоянна. Таким образом, она не только не является основным понятием метафизики, но подрывает само её существование [4, с. 578]. Мы будем придерживаться первой точки зрения, которая состоит в том, что метафизическая позиция присутствует в том или ином учении, если в нём указывается на исходную непознаваемую и поэтому внешнюю причину всего сущего. У Ф. Ницше есть такая причина – это стремление к власти, которое существует вечно, является неизменным и не нуждается в обосновании. Всё остальное приобретает ту или иную ценность в зависимости от соответствия этому стремлению. Как заметил М. Хайдеггер, , идея ценности играет эту роль (*“Определяющую роль” – прим. автора*) в мысли Ницше поэтому, что Ницше мыслит метафизически, в колее истории метафизики [9, с. 102].

Вопрос, который поднимается в статье, заключается в том, может ли метафизика власти быть достаточным объяснением и описанием мира, в котором отсутствуют выполняющие руководящую роль идеальные сущности, такие как Бог? Возможно, что более полноценной моделью такого мира является идея игры, которая прослеживается в философии жизни, но не становится в ней доминантой.

В философии Ф. Ницше можно выделить пять основных разделов: , нигилизм, , переоценка всех прежних ценностей, , воля к власти, , вечное возвращение того же и , сверхчеловек [Там же, с. 88]. Рассмотрим их в указанной последовательности, выстраивая единую картину метафизики Ф. Ницше, создавая её игровую интерпретацию и оценивая её значимость.

Отправной точкой ницшевской философии является критика платоновского идеализма, лежащего в основе всей последующей западной философской традиции. По убеждению философа, история западной философии закономерно приходит к , нигилизму, основным тезисом которого является: , Бог умер. Хайдеггер сказал об этом следующее: , Это значит – “христианский Бог” утратил свою власть над сущим и над предназначением человека. “Христианский Бог” здесь одновременно служит ведущим представлением для “сверхчувственного” вообще и его различных истолкований, для “идеалов”, “норм”, для “принципов” и “правил”, для “целей” и “ценностей”, которые учреждены “над” сущим, чтобы придать сущему цель, порядок и – как вкратце говорят – “смысл” [Там же, с. 80-81]. Разрушение веры в сверхчувственное, на наш взгляд, на самом деле, не стало его отрицанием. Но радикально поменялось к нему отношение. Раньше оно имело сакральный характер. Святость идеального запрещала какие-либо сомнения в нём, попытки новых интерпретаций, исследования, модификации. Всё потому, что человек не смел трогать то, что создано не им и что изначально совершенно, в отличие от него. Нигилизм тогда заключается в том, что люди открыто признались сами себе, что никто кроме самого человека не мог создать мысль о Боге, добре, справедливости и т.д. Но зачем было созданному человеком придавать ореол святости и тем самым охранять от изменений? Видимо, эти люди когда-то очень давно, столкнувшись с проблемой бессмысленности жизни и сопутствующим вселенским одиночеством, нашли такое решение: если смысла нет, его надо назначить, установить. Таким образом, сверхчувственный мир стал результатом смыслотворчества человека. Но зачем человеку понадобилось запрещать память о творческом характере сверхчувственного, зачем выдумка о трансцендентности, сакральности и непреходящем характере того, что на самом деле было когда-то им создано, т.е. таковым не является? Ответ, который может здесь быть дан, скорее всего, в том, что только неприкосновенное и несомненное, только совершенное может играть роль смысла жизни. Поэтому лучше было забыть о творческом происхождении мысли о Боге, чтобы он мог нести человеку надежду. Как можно назвать такое поведение человека? Конечно же, это самообман. . Здесь отсутствует антитеза истинного и мнимого миров: – говорит Ницше, – есть только Один мир, и мир этот ложен... Мир, устроенный так, и есть мир истинный... Нам нужна ложь, чтобы одерживать победу над такой реальностью, над такой “истиной”, – чтобы *жить*... И то, что для жизни нужна ложь, само есть тоже одно из свойств этого страшного, гадательного характера нашего существования...» [6, с. 465]. Осознание этого самообмана снова открывает человеку его болезненное одиночество и ничтожность в бесконечном мире. Эта мысль выглядит абстрактной и отстранённой от реальной жизни человека. Но на самом деле нет для него более страшного страдания, чем это. Традиционный путь бегства от этого страдания – поскорее придумать новый смысл и забыть о его творческом происхождении, чтобы ещё долгое время иметь якобы данные свыше, непреходящие и несомненные ориентиры жизни.

Ф. Ницше открывает другой путь. И он не заключается в том, чтобы погрузиться в естество, в материальный хаос и раствориться в нём, как это принято иногда понимать. Путь Ф. Ницше состоит в том, чтобы так же, как и в первом случае, создавать новые искусственные смыслы, но теперь уже не придавать забвению их человекотворческое происхождение, не придавать результатам человекотворчества статус совершенного, непреходящего трансцендентного идеала. С. Малкина называет такую позицию философа , интерпретативным перспективизмом: , Ницше переосмыляет задачу философии. Это не научное объяснение мира, стремящееся зафиксировать в “объективных” законах постоянство сущего, а “толкование”, осмысливание, сохраняющее текучесть мира становления... интерпретативный перспективизм возвращает философию к её собственному

делу – творению смысла» [3, с. 144]. Ницшевская интерпретативность не ищет скрытые смыслы, заранее существующие в событиях, а учреждает их, затем переучреждает, и так до бесконечности. Такой подход, предложенный Ф. Ницше, мы и называем игровым разрешением вопроса о смысле жизни. В соответствии с ним философ не отрицает Бога вообще, но лишь его христианское понимание. Ф. Ницше возвращается к гераклитовскому богу, занятому игрой и играющему в кости [8, с. 288], который, в отличие от христианского, не владеет абсолютной истиной и не реализует её в мире, предписывая каждой отдельной частичке сущего его судьбу. Но он обладает всемогуществом, чтобы играть, исходя из своего полного незнания и, таким образом, творить мир не по плану, а непосредственно. Такой бог подобен беззаботному наивному дитя: «Игра», бесполезное – как идеал нагроможденного играючи, как “детское”. “Детскость” Бога, *paiz paizwnli* [6, с. 432].

Другим важным отличием ницшевского бога от христианского является то, что он не является источником добра. Б. Марков, говоря о ницшевской философии, отмечает: «Бог, беспечное бытие, игра сил которого определяет человеческую судьбу, – все это основа “артистической метафизики”, оказывающейся “по ту сторону добра и зла” [4, с. 595]. Это логично, ведь, если нет истины, то нет и различия между добром и злом. Или наоборот, если нет понимания добра, то как сделать вывод о благе истины? Тогда не благо направляет поступки человека, а новизна ощущений, которая даётся не в рациональной деятельности, а в игре. Нравственность человека – это не трансцендентная идея, а имманентная, формирующаяся в результате опыта болезненных ощущений установка. Так об этом пишет К. Шевцов: «То, что превращает вольное животное в... ответственное за себя существо по имени человек, есть работа доисторических практик, называемых Ницше... “социальной смирительной рубашкой”, ...суть которой сводится к причинению боли, а точнее – к вживлению в тело боли, которая никогда не проходит полностью, образуя новую ткань памяти [10, с. 208].

Исходя из нигилизма Ф. Ницше, возникает следующий элемент его философии – переоценка всех прежних ценностей. Прежние ценности основывались на власти сверхчувственного. Ценным в мире сущего было то, что приближало к идеалам добра и истины. Но в мире без идеалов источником ценностей должно стать само сущее. Если исходить из того, что сущее без истины – это хаос, то никаких ценностей в нём возникнуть не может. Но мы уже знаем, что ницшевский мир – это не хаос. В нём есть некая определённая энергия, сила (тот самый Бог-ребёнок), которая не служит никаким целям, никаким замыслам. Но чем же тогда она занята и в чём тогда её определённая энергия? Ф. Ницше определяет эту энергию как волю к власти. Сущее без сверхчувственного занято постоянным возрастанием власти. Бог-ребёнок размещён в бесконечном хаосе, и, используя свою безграничную силу, стремится поставить хаос под свой контроль. В рациональной картине мира тоже происходит покорение хаоса, но в соответствии с идеалами добра и истины и ради них. У Ницше власть реализуется ради самой себя, ради бесконечного возрастания самой себя. М. Хайдеггер так сформулировал эту мысль Ф. Ницше: «...смысл “воли к власти” таков: самоуполномочение власти на превосхождение самой себя [9, с. 84]. Тогда новое полагание ценностей состоит в том, что власть сама и *только она* полагает ценности, поддерживает их значимость и единолично решает о возможности обоснования тех или иных оценок [Там же, с. 85]. Теперь уже ценно не то, что увеличивает благо и раскрывает истину, а то, что способствует возрастанию власти. Ранее мы отметили, что такая позиция Ф. Ницше видится нам метафизической. Власть сверхчувственных идей заменяется ещё более абстрактной самоутверждающейся властью вообще, стремление к росту которой неизбежно для мира.

Думается, что логике освобождения человека от потустороннего руководства больше соответствует видение мира, полностью лишённого каких-либо изначальных требований. В таком мире и власть является лишь временным, неустойчивым результатом творчества. Человек не обязан проявлять волю к власти, но ему это может быть спонтанно интересно. Ф. Ницше говорит о мировой игре, но она может быть игрой, только когда из мира будет полностью изъято любое внешнее предписание. Только такое видение можно считать полностью игровым.

Третьим элементом философии Ф. Ницше является возвращение того же самого, который, по нашему мнению, в наибольшей степени приближается к раскрытию чистой, или, как её называет Ж. Делез, божественной игры, о которой Ницше говорит столь решительно [1, с. 340]. Возвращение того же самого возникает у Ф. Ницше исходя из отсутствия у сущего внешней цели в виде сверхчувственных идеалов, к которым оно должно вечно приближаться. Если сущее избавляется от необходимости поступательного совершенствования, то единственное, что ему остаётся, – это всё время быть одним и тем же. Но так как сущее содержит в себе волю к власти, то оно находится в постоянном движении поддержания и усиления этой власти, поэтому оно не статично сохраняется, а движется, и в этом движении постоянно возвращается к одному и тому же. Ф. Ницше прямо определяет такое движение как великую игру в кости. Всё, что есть, – это бесконечное число бросков, результат каждого из которых является случайным, но благодаря бесконечности повторяемым и возвращаемым: «...мир как круговорот, который бесконечное число раз уже повторился и который ведёт эту свою игру до бесконечности [6, с. 557]. Игрой такое движение сущего Ф. Ницше назвал, потому что события, из которых оно состоит, являются не причинно-следственной цепочкой уникальностей, логично идущих к реализации цели, а бесцельно и бесконечно возобновляемой массой случайностей. Выше было отмечено, что в такой картине мира сохраняется целевой, смысловой элемент. Он заключается в необходимом характере поддержания и даже возрастания власти. М. Хайдеггер пишет об этом так: «Всякая власть есть власть лишь постольку и до тех пор, пока она больше – власть, т.е. возрастание власти. Власть способна держаться в самой себе... только превосходя и превышая... Коль скоро власть остаётся на какой-то ступени власти, она уже становится немощью власти [9, с. 84]. Получается, что есть исходное ограниченное состояние власти и есть идеальное состояние власти, когда она абсолютна

в том, что не нуждается в возрастании. Таким образом, эта абсолютная власть является сверхчувственной идеей власти, задающей смысл существования текущей ограниченной власти.

Чтобы избавиться от возникающей здесь метафизичности, придётся отказаться от стремления к возрастанию власти. Но без этого, воля к власти становится реализованной изначально, и тогда пропадает необходимость в движении сущего, которое просто превращается в хаос случайностей, в ничто. Решить эту проблему можно, только лишив, волю к власти исключительного статуса предопределённой судьбы сущего. Она должна быть лишь одним из бесконечного множества увлечений сущего, к которому можно возвращаться, но никогда не заикливаться на нём. Это и есть образ, возвращения того же самого в чистой, лишённой метафизических примесей игре.

Последним элементом философии Ф. Ницше является, сверхчеловек. В нём выстраивается образ жизни человека в мире, где, воля к власти заменила господство трансцендентных сущностей. В, Так говорил Заратустра Ф. Ницше написал: , Бог умер: теперь хотим *мы* – чтобы жил Сверхчеловек [7, с. 128]. Отбросив внешние предписанные свыше цели, человек самого себя делает смыслом своей жизни. И содержанием этого смысла, конечно же, является поддержание и расширение своей власти над окружающим миром. Более того, , сверхчеловек, его власть становятся целью всего сущего: , Сверхчеловек – смысл землёй [Там же, с. 5]. В чём заключается для сверхчеловека поддержание и расширение власти? В бессмысленном, живом мире остаётся одно – самому творить смыслы и таким образом вылепливать свою власть из хаотического материала окружения: , “Жизнь *должна бы* внушать доверие”: задача, поставленная так, невероятна. Чтобы решить ее, человек уже по природе должен быть лжецом, он должен больше, чем кем-либо еще, быть *художником*. Он *и есть* художник: метафизика, религия, мораль, наука – все это лишь отродья его воли к искусству, к лжи, к бегству от “истины”, к *отрицанию* “истины” [6, с. 465]. Другими словами, как отмечает Л. Николаева, ...по Ницше мир имеет оправдание лишь как эстетический феномен. Дионисийское начало и искусство должно давать утешение трагическому существованию людей. Аполлоновское искусство, по Ницше, должно помочь людям преодолеть отвращение к жизни, к миру, возродить волю к деятельности [5, с. 98].

Нам видится, что здесь соседствуют два разных понимания смысла жизни человека и искусства. С одной стороны, искусство стоит на службе власти сверхчеловека, с другой – является средством в бегстве от мучительного Ничто. Если человек осознаёт наличие, воли к власти в мире и в себе, существующие независимо от него, то уже есть внешне данный смысл жизни – подтверждать и укреплять власть. Тогда нет необходимости, бежать от бессмысленности в искусство. Другими словами, либо искусство – это реальное здание власти, либо иллюзорное здание смысла. Первый вариант подводит к сохранению внешнего трансцендентного предписания человеку, против чего Ф. Ницше выступает. Поэтому мы предполагаем, что второй вариант больше соответствует духу ницшевской философии, духу полного отказа от метафизики. Сверхчеловек, в отличие от человека, так же, как и бог-ребёнок, в отличие от христианского бога, только на локальном уровне, обладает безграничной силой, которую направляет в отсутствие всяческого предначертанного истинного порядка на игру или, иными словами, творчество из ничего искусственного порядка.

В итоге можно сказать, что Ф. Ницше явился продолжателем стратегической линии западной культуры на освобождение личности от внешнего принуждения. Его радикальный вклад в эту традицию состоял в том, что он впервые заявил о необходимости избавиться от власти сверхчувственных идей и констатировал фактическую реализацию этого устремления словами, Бог умер. Но эти, казалось бы, страшные слова вовсе не означали переход от добра к злу, от истины к неопределённости, от порядка к хаосу. Наоборот, ницшевский сверхчеловек взял себе большую свободу, чтобы возложить на себя и большую ответственность. Е. Куняшова отмечает: , Философ (*Ницше – прим. автора*) выделяет свободу как высшую человеческую ценность, достигнув которой человек встает перед сложнейшим выбором принятия решений, требующим высокой степени ответственности [2, с. 125]. Прирастание ответственности как раз и состоит в том, что теперь не бог, не святое предписание из прошлого, а он сам обязан решать – в чём смысл, истина и цель. Это и есть образ мира, который можно назвать игровым, , мировой игрой: не поступательное становление порядка из хаоса, а игра в порядок, бесконечные, несвязанные между собой циклы сотворения и уничтожения порядка из ничего.

Но игра эта у Ф. Ницше не случайна, а имеет критерий: как правильно, а как – нет. Таковым критерием философ определил, волю к власти. Не сверхчувственная идея, а чувство жажды власти, которое есть в каждом человеке, направляет его. Повторяясь из раза в раз, игра служит воспроизводству власти. Сделав такой вывод, философ в итоге сохранил метафизическую позицию, от которой всеми силами пытался избавиться. , Воля к власти, являющаяся материальным чувством, у Ф. Ницше приобретает статус сверхчувственного абсолюта, именно потому что наделяется исходной безусловностью и критериальностью для всего остального.

Эту метафизичность философии Ф. Ницше отметил М. Хайдеггер, который и сам, впрочем, остался метафизиком, но уже в другом смысле. Только позднее философы постмодернисты, во многом продолжая линию Ф. Ницше, полностью избавили человека от внешнего, трансцендентного предписания, когда и мир, и человек в нём окончательно превратились в случайный результат бесконечных, бросков в, мировой игре в кости.

Список литературы

1. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. СПб.: Петрополис, 1998. 368 с.
2. Куняшова Е. В. Феномен отчуждения в культурно-философских концепциях Ф. Ницше и Г. Зиммеля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50). Ч. III. С. 125-128.

3. Малкина С. М. Фридрих Ницше и проблема преодоления метафизики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. III. С. 141-144.
4. Марков Б. В. Пути Хайдеггера к Ницше // Хайдеггер М. Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. С. 573-599.
5. Николаева Л. С. Радикальные концепции в культуре: монография / Новочеркасская государственная мелиоративная академия. Новочеркасск: НГМА, 1999. 201 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
7. Ницше Ф. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 150 с.
8. Хайдеггер М. Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
9. Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 304 с.
10. Шевцов К. П. Память и генеалогия субъективности у Ф. Ницше // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. III. С. 206-210.

PLAY RESOLUTION OF THE ISSUE OF MEANING OF LIFE IN PHILOSOPHY OF F. NIETZSCHE

Alikin Viktor Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Don State Agrarian University
ludosopher@yandex.ru

According to Friedrich Nietzsche the beginning of everything that happens in the material world is not a supersensible idea but it is enclosed in the very creation will to power, to its infinite reproduction and increase. In the article the author considers whether will to power can be the full explanation of the immanent world because power itself has features of a transcendent idea. Is it possible that a more appropriate image of such world is a game? This idea can be traced in the philosophy of F. Nietzsche but it does not become dominant in it.

Key words and phrases: Nietzsche; idealism; nihilism; meaning of life; will to power; God; superman; game; art.

УДК 1:101.1; 101.2

Философские науки

Статья посвящена рассмотрению средствами философской рефлексии современной критики научной рациональности, которая затрагивает не только традиционные онтологические и методологические установки науки, но и ее социальное измерение. Авторы полагают, что в постмодернистских теориях современного общества, а также социальных теориях «позднего модерна», «незавершенного модерна», общества риска критический анализ научной рациональности не только несет в себе деструктивный потенциал, но и содержит конструктивные версии осмысления современности.

Ключевые слова и фразы: социальная философия; научная рациональность; постмодерн; философский разум; жизненный мир; общество риска.

Асланова Марина Теувежевна, к. филос. н.
Сапрыкина Екатерина Владимировна, к. филос. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
sgu.marishka@mail.ru; sapkaterina@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Интерес к проблеме рациональности носит в большей степени жизненно-практический характер, нежели теоретический. Современная постиндустриальная цивилизация по своей сути рациональна, ключевую роль в ней играет наука и развиваемые на ее основе новые технологии. Актуальность социально-философского осмысления проблемы рациональности вызвана нарастающим беспокойством о будущем современной цивилизации и общества, а также перспективах развития науки и техники.

Пафос научной рациональности и основанная на нем идея морального и социального прогресса наиболее ярко проявили себя в идеологии эпохи Просвещения. Просвещенческий идеал рациональности трактовался как универсальный способ усовершенствования общества. Прогресс осмысливался как результат распространения истинных рационалистических идей, результат познания и преобразования общества на разумных началах. Этот подход к оценке общественного развития в дальнейшем выродился в мировоззрение сциентизма с характерным для него представлением о науке как оптимальном средстве решения всех человеческих проблем и достижения гармонии на путях построения рационального миропорядка. Однако многие исторические и социокультурные перемены, пережитые человечеством, не могли не подорвать веры в разум, логику и упорядоченность мыслительной деятельности. В итоге классический идеал научной рациональности подвергся серьезным испытаниям и критике.